

*Так уж вышло, что в этой книге
много говорится об отцах,
поэтому посвящаю ее
своему отцу, Тони Гэблдону,
который тоже любит рассказывать
истории.*

Пролог

Я не боюсь призраков. В конце концов, они всегда рядом. Смотрю в зеркало — в ответ глядят глаза матери. На губах — улыбка прабабушки, соблазнившая прадеда, благодаря чему потом, в итоге, и появилась я.

Так зачем же мне страшиться касаний бесплотных рук, исполненных необъяснимой любовью? Зачем мне робеть перед теми, кто меня породил, заложил в мою плоть частичку себя?

Еще меньше пугают те, кто мимолетно касается разума. Любая библиотека полна ими. Возьму книгу с пыльной полки — и тут же окажусь в плену мыслей людей, давно умерших, но как никогда живых на шелестящих страницах.

Они, такие родные, совсем не похожи на духов, что не дают нам ночами спать. Оглянись, поднеси свет, разгони тьму. Прислушайся к эху шагов за спиной, когда идешь в одиночку.

Призраки все время витают вокруг, проносятся сквозь нас, скрываются в будущем. Из зеркала, сквозь годы, смотрят тени чужих лиц. В пустых дверях застывают зыбкие фигуры. Своей кровью, своим выбором мы создаем призраков. Мы сами себя мучим.

Всякий призрак приходит незванным из туманных земель грез и тишины. Умом мы понимаем: «Нет, такого не бывает». А нечто другое, древнее, шепчет из темноты: «Да, но может?..»

Наше появление и смерть окутаны тайной, а в промежутке мы пытаемся забыть наших призраков. Однако иногда по комнате пролетает ветерок и нежно ерошит мне волосы. Наверное, это моя мать.

Часть первая

О дивный новый мир

Глава 1

ВИСЕЛЬНИК В ЭДЕМЕ

Чарльстон, июнь 1767-го

Бой барабанов стал слышен задолго до того, как показались солдаты. Грохот отдавался у меня внутри, словно там, под кожей, тоже пустота, и несся над толпой — жесткий, военный ритм, который должен заглушать и гомон, и выстрелы. Люди замолкали, поворачивая головы к Ист-Бей-стрит, тянущейся от недостроенной таможни до Уайтпоинт-парка.

В этот невыносимо жаркий день, какие даже в июне здесь редкость, лучшие зрительские места были на дамбе, где дул хоть какой-то ветерок. А тут, внизу, люди рисковали спечься заживо. Платье на мне вымокло насквозь, хлопковый корсаж прилип к груди. Я в десятый раз за столько же минут вытерла пот с лица и приподняла тяжелые волосы. Может, так шея хоть чуть-чуть остынет?..

Шея... Кстати, о виселице. Я неосознанно обхватила ладонью основание своей шеи. Под пальцами, в сонной артерии, в такт барабанам бился пульс. Горячий, влажный воздух застревал в горле, словно ком.

Я быстро опустила руку и как можно глубже вдохнула. Зря... Мужчина передо мной, наверное, с месяц не мылся. Край шейного платка темнел от грязи, а от одежды несло плесенью слишком резко даже в потной толпе. Аромат свежего хлеба и запах горячего свиного жира с прилавков смешивался с вонью гниющих водорослей, и облегчение приносил только просоленный ветерок из гавани.

Дети глазели по сторонам, временами выбегая из тени дубов и карликовых пальм, чтобы посмотреть, что же там, в конце улицы, а встревоженные родители звали их обратно. У девчонки, что стояла ко мне ближе всех, шея была тоненькая, хрупкая, словно стебелек.

Толпа возбужденно загомонила: появилась процессия. Бой барабанов стал громче.

— Где он? — бормотал Фергус, тоже вытягивая шею в ту сторону. — Как знал, что надо было с ним идти!

— Придет.

Хотелось встать на цыпочки, однако я не рискнула — это как-то унизительно. Впрочем, я все же оглянулась. Джейми легко различить в толпе: он возвышается над всеми почти на голову, а его волосы отливают в лучах солнца красноватым золотом. Но Джейми я не увидела — только качающееся море чепчиков и треуголок, спасавших от жары тех, кто пришел, когда все места в тени уже заняли.

Сперва мимо возбужденной толпы пронесли знамена Великобритании и королевской колонии Южной Каролины. Затем еще одно — с фамильным гербом местного губернатора.

Затем появились барабанщики. Парами, нога в ногу, выбивая палочками медленный, неумолимый ритм. Безжалостный бой барабана заглушал прочие звуки.

Следующими показались солдаты в красных мундирах, а между ними — осужденные. Все трое брели со связанными спереди руками. Кольца железных ошейников соединяла цепь. Первый узник, пожилой и ободранный человек, шатался настолько, что священнику в темных одеждах пришлось схватить его под руку.

— Это Гэвин Хэйз? Он не здоров? — пробормотала я, обращаясь к Фергусу.

— Он пьян, — раздался тихий голос.

Я рывком обернулась. Рядом стоял Джейми, не сводя глаз с жалкой процессии.

Из-за едва держащегося на ногах старика движение стопорилось. Прикованные к нему узники сбивались с шага, пытаясь не упасть. Как будто три пьяницы тащатся домой из ближайшей таверны; совсем не под стать мрачной торжественности всего действия. Сквозь бой барабанов прорывались крики и насмешки зрителей, высыпавших на кованные балконы домов.

— Твоя работа? — поинтересовалась я тихонько, чтобы не привлечь внимание. На самом деле я могла орать и размахивать руками — люди не отрывались от разыгравшейся посреди улицы сцены.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Джейми пожал плечами.

— Выполнил его просьбу. Больше ничем не мог помочь.

— Бренди или виски? — любопытствовал Фергус, оценивая Хэйза наметанным глазом.

— Он шотландец. — Джейми говорил спокойно и не менялся в лице, но я расслышала в его голосе напряженные нотки. — Виски, конечно.

— Мудро. Если повезет, то вообще не заметит, как его вздернут, — пробормотал Фергус.

Старик выскользнул из хватки священника и шлепнулся лицом вниз на пыльную дорогу, из-за чего второй узник рухнул на колени. Третий же, высокий молодой человек, устоял, но зашатался, отчаянно пытаясь удержать равновесие. Толпа взвыла от восторга.

Лицо капитана охраны, в обрамлении белого парика и металлического горжета, пылало от ярости и жаркого солнца. Он пролаял приказ, и солдат поспешно снял с приговоренных общую цепь. Еще двое красных мундиров грубым рывком поставили Хэйза на ноги, и процессия, восстановив подобие порядка, двинулась дальше.

Усмешки стихли, когда она подошла к виселице — запряженной мулами подводе под сенью огромного дуба. Барабанная дробь отзвывалась дрожью земли. Меня слегка тошнило от жары и вони. Дробь резко смолкла. В ушах зазвенела тишина.

— Не смотри, саксоночка, — прошептал Джейми. — Ступай к фургону.

Сам он, не мигая, глядел на Хэйза. Тот шатался в руках солдат и что-то бормотал, потерянно озираясь.

Смотреть мне, конечно, совсем не хотелось. Однако оставить Джейми одного я тоже не могла. Он пришел ради Гэвина Хэйза, а я — ради него.

— Нет.

Я коснулась руки Джейми. Он расправил плечи, а потом шагнул вперед, чтобы его уж точно было заметно в толпе. Если Хэйз еще в состоянии что-то видеть, то последним перед его глазами окажется лицо друга.

Хэйз отчаянно крутил головой, высматривая кого-то, пока его поднимали на подводу.

— *Gabbainn! A charaid!*¹ — крикнул Джейми.

Гэвин тут же уставился на него и замер, покорный судьбе. Он лишь слегка покачивался, пока зачитывали приговор за кражу шести фунтов и десяти шиллингов. Лицо старика покрывала красноватая пыль, на седой щетине блестел пот. Проповедник быстро зашептал что-то Гэвину на ухо.

Вновь зазвучали барабаны, выводя ровную дробь. Палач перекинул петлю через лысеющую голову осужденного и затянул. Узел оказался ровно под ухом. Капитан стражи поднял саблю.

¹ Гэвин! Друг! (*гэльск.*). (Здесь и далее — примечания переводчика).

Хэйз вдруг выпрямился и, впившись взглядом в Джейми, открыл было рот, словно хотел что-то сказать. Сабля сверкнула в утреннем солнце, и дробь оборвалась.

Я смотрела на Джейми — он побелел как мел, неподвижные зрачки расширились, — но краем глаза все равно видела едва заметно подергивающееся тело. Резко запахло испражнениями.

Стоявший с другой стороны от меня Фергус наблюдал за казнью бесстрастно.

— Наверное, все-таки заметил... — пробормотал он с сожалением.

Мертвец слегка покачивался, натянув веревку. Толпа вздохнула с ужасом и облегчением. В пылающем небе кричали крачки, доносились звуки гавани, приглушенные тяжелым, загустевшим от жары воздухом. Однако здесь царил тишина. Настолько, что я слышала «кап... кап... кап...» — это стекали капли с башмака трупа.

Я не знала Гэвина Хэйза лично, поэтому не приняла его смерть близко к сердцу. Но хорошо, что все случилось быстро. Я мельком, словно исподтишка, глянула на старика. Нечто столь личное не должно происходить на публике, и мне стало немного стыдно, что я смотрю.

Палач свое дело знал. Приговоренный не дергался в петле, не таращил глаза, не вывалил язык, как бывает при удушье. Маленькая голова Гэвина висела под странным углом — шея была сломана.

Все удалось как нельзя лучше. Причем не только казнь. Капитан стражи, удостоверившись, что Хэйз мертв, жестом приказал подвести следующего... как вдруг взгляд его прошелся по солдатам в красных мундирах, а потом полыхнул яростью.

В ту же секунду в толпе раздался крик, и люди возбужденно загалдели. Они толкались, тянули головы, лишь бы увидеть... пустое место.

— Исчез!

— Вон он!

— Держи его!

Высокий молодой человек — третий осужденный — ухитрился сбежать: он проскользнул мимо стражи, чье внимание приковала к себе виселица. Смерть Гэвина стала его шансом спасти свою жизнь.

Что-то мелькнуло за прилавком торговца — грязная светлая шевелюра. Несколько солдат рванули в ту сторону, но остальные носились туда-сюда, и в суматохе беглеца упустили.

Капитан стражи яростно орал приказы, однако в суматохе его почти не было слышно. Красные мундиры торопливо пытались кое-как восстановить строй. Оставшегося узника, совершенно ошеломленного, повели обратно к казармам.

Обхватив за талию, Джейми потащил меня прочь от людского моря. Толпа отступала под натиском солдат, которые под командованием мрачного сержанта строем отправились на поиски беглеца.

— Надо найти Иэна, — сказал Джейми, оглянув толпу возбужденных подмастерьев. Он глянул на Фергуса и мотнул головой в сторону виселицы. — Забери тело, лады? Встретимся потом в «Плакучей иве».

— Как думаешь, его поймают? — спросила я.

Мы проталкивались сквозь толчею вдоль мощеной аллеи к торговым пристаням.

— Ага. Куда ж ему бежать? — рассеянно отозвался Джейми, хмурясь. Очевидно, все его мысли по-прежнему занимал мертвец, для живых там места не было.

— У Хэйза есть родня?

Джейми покачал головой.

— Я спрашивал, когда принес виски. Может, брат и остался в живых, только где он — неизвестно. После восстания его перевезли в... Вирджинию, по словам Хэйза, и с тех пор ни слуху ни духу.

Неудивительно. Раб не имел возможности общаться с семьей в Шотландии, если, конечно, поручитель не был так любезен, чтобы отправить от его имени письмо. И оно вряд ли дошло бы к Гэвину Хэйзу, который десять лет провел в Ардсмурской тюрьме, прежде чем и его сюда перевезли.

— Дункан! — позвал Джейми.

Высокий тощий мужчина обернулся и вскинул ладонь — узнал. Он, как штопор, прошел сквозь толпу, расталкивая людей единственной рукой.

— Макдью, — кивнул он, здороваясь с Джейми. — Миссис Клэр...

На узком лице Дункана отразилась скорбь. Он тоже когда-то был узником той тюрьмы, вместе с Хэйзом и Джейми. Ему «повезло» потерять руку из-за заражения крови, иначе его тоже перевезли бы с остальными. Однорукого работника никому не продашь; Дункана помиловали и отпустили на волю — умирать от голода, пока Джейми его не разыскал.

— Упокой Господь душу бедного Гэвина, — печально покачал головой Дункан.